

Постсекулярная академия: современная конвергенция религии и науки*

Александр Малахов

Аннотация: Данная статья освещает интегративную тенденцию в отношениях религии и науки, ее исторические, философские и научные предпосылки, дальнейшие перспективы. Обсуждается гипотеза конфликта между религией и наукой, представлены историография вопроса и текущие позиции историков науки. Анализируются основные изменения произошедшие в понимании науки за последние полвека. На ряде примеров рассмотрены случаи конвергенции религии и науки, относящиеся к философии, естественным наукам, исследованиям сознания. Основной вывод состоит в том, что наметившиеся тенденции продолжают развитие, хотя на определенных этапах могут столкнуться с сопротивлением радикальных и консервативных сил.

Ключевые слова: постсекуляризм, религия и наука, гипотеза конфликта, конвергенция, эпистемология, плюрализм, социология научного знания, новый атеизм, сознание.

На протяжении долгого времени основной метафорой, иллюстрирующей отношения религии и науки, являлся конфликт. Даже после того, как историки науки в целом отвергли гипотезу извечного конфликта, т.н. «*conflict thesis*», она сохранила свое влияние среди широкой аудитории и продолжает повсеместно использоваться в общественных дискуссиях вокруг религии [1]. В середине двухтысячных идея неизбежного столкновения религии

* Малахов, А. В. Постсекулярная академия: современная конвергенция религии и науки // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. №11(3). Для связи: alex@malakhov.link.

и науки получила вторую жизнь, благодаря деятельности «новых атеистов», ведомых такими харизматичными лидерами, как Ричард Докинз, Дэниел Деннет, Сэм Харрис и покойный Кристофер Хитченс. Особую популярность, в том числе и в России, «новые атеисты» обрели у образованной молодежи, скептически, а нередко и враждебно настроенной к традиционным источникам авторитета.

Не посягая на право людей придерживаться импонирующих им взглядов, не могу не заметить, что деятельность «новых атеистов», как и религиозных фундаменталистов, подрывает пространство диалога, а центральные положения их идеологии находятся в прямом противоречии с компетентным мнением большинства философов и историков науки, теологов и практикующих ученых [2]. Ситуация осложняется слабой представленностью на русском языке альтернативных точек зрения, из-за чего заявления «новых атеистов» ошибочно воспринимаются в качестве позиции научного сообщества. На следующих страницах я описываю альтернативный подход к объяснению отношений религии и науки, выражаемый такими понятиями как интеграция и конвергенция. Я продемонстрирую, что подобное сближение, во всяком случае в некоторых существенных вопросах, происходит в настоящее время и обладает потенциалом для дальнейшего развития. Кроме того, я утверждаю, что за исключением отдельных отрезков времени, состояние конвергенции — взаимопонимания, взаимопроникновения и взаимообогащения — религии и науки

является естественным состоянием вещей, тогда как случаи конфликта и диссонанса являются аномалиями. В той степени, в которой позволит объем статьи, я постараюсь задействовать перспективы различных дисциплин (социологии, философии, истории науки), чтобы обеспечить убедительную защиту отстаиваемой мной позиции.

Стоит начать с констатация очевидного: наука и религия, рассматриваемые вне четкого контекста, являются абстракциями, хоть и не целиком произвольными, но подверженными субъективному наполнению. Одно из несомненных достижений современной мысли, от аналитической философии до постструктурализма, состоит в разработке интеллектуального инструментария, позволяющего нам выявить собственные пресуппозиции и, насколько это возможно, избежать чрезмерных обобщений. Таким образом, любой разговор о науке и религии должен включать более четкое определение того, какой смысл мы вкладываем в эти категории.

Согласно, американскому философу Кену Уилберу, существует не менее двенадцати основных значений, в которых употребляется слово религия [3]. Если мы обратимся к работам по философии науки или социологии знания, то убедимся, что слово наука наделяется не меньшим количеством смыслов. Сталкиваясь с таким разнообразием, часть авторов, особенно принадлежащих к школам постмодернизма, отрицает корректность самих этих категорий. Отдавая должное их аргументации, подобный радикализм все же кажется излишним и непродуктивным. В целях

облегчения понимания я нахожу достаточным указать на гибкость и относительность этих категорий, за которыми, однако, стоит реальное содержание.

Исторически, большая часть текстов, обсуждающих отношения религии и науки, фокусировались на одной религии — христианстве, а точнее «западных» версиях христианства, католичестве и протестантизме, и одном типе науки — классической науке модерна, основные черты которой были определены Галилеем, Декартом и Ньютоном. Такая ситуация естественна и закономерна, учитывая, что наука, как самодостаточная область, оформилась в лоне европейской цивилизации, и что классическая ньютоно-картезианская наука до сих пор воспринимается многими в качестве универсального эталона. К тому же, на протяжении долгого времени хроника отношений религии и науки писалась оппонентами религии (среди наиболее известных авторов такого типа можно вспомнить Джона Дрейпера и Эндрю Уайта). Не удивительно, что вплоть до второй половины двадцатого века понимание вопроса оставалось фрагментарным и не свободным от ангажированности.

За последние десятилетия ситуация изменилась самым существенным образом: была переосмыслена история науки, детально изучены основные случаи предполагаемого конфликта, включены в рассмотрение другие религии и культуры. Крупнейшие религиозные деноминации сделали шаги навстречу науке, в ряде случаев, явным образом интегрировав научные представления («большой взрыв», эволюция) в свое вероучение.

Параллельно, глубокие перемены произошли и в понимании самой науки, у которой были выявлены эпистемологические пределы, что означало отказ от эксклюзивности в пользу плюрализма и диалога с другими сферами и способами познания. Текущие работы по истории науки утверждают, как правило, что сколько-нибудь широкого конфликта религии и науки просто не происходило, а скорее имели место единичные случаи столкновения, имевшие не столько религиозные или научные, сколько социальные и политические причины [4]. Сегодня лишь малая часть ученых продолжает считать возможным конфликт между религией и наукой, тогда как большинство склоняется к благожелательному нейтралитету [5].

Переход от дискурса войны к дискурсу нейтралитета стал выдающимся сдвигом в мировоззрении ученых и теологов, но действительно интересным феноменом является возникновение интегративной тенденции: стремление все большего числа представителей обеих областей к конвергенции между религией и наукой. Нельзя сказать, что конвергенция является чем-то беспрецедентным, напротив, в период до Нового времени различные сферы, оставаясь слабо дифференцированными, нередко оказывали воздействие друг на друга, а такие дисциплины как «естественное богословие» (*natural theology*) имеют тысячелетнюю историю. Однако нынешняя ситуация отличается от прошлого: религия, наука, искусство, этика существуют независимо друг от друга, говорят на разных языках и, до некоторой степени, принадлежат к разным мирам. Учитывая

отсутствие взаимопонимания внутри каждой из областей, могут ли они найти его между собой? Как ни странно, есть серьезные причины считать, что могут.

На фундаментальном уровне источник оптимизма лежит в осознании каждой областью собственных ограничений и своей потребности в других. Так, религия обращается к искусству, чтобы выразить свои истины, а этика ищет подтверждения должного в научных исследованиях. Еще одна причина, которую я нахожу весьма изысканной, кроется в том, что у людей, похоже, формируется способность воспринимать и примирять различные способы мышления, тогда как исключение каких-либо «туннелей реальности» вызывает у них внутренний протест. Здесь уместно, вслед за Жаном Гибсером, говорить о возникновении «интегрального сознания».

Хорошей иллюстрацией происходящей конвергенции может служить возрождение в зарубежной философии интереса к религии. В то время как в середине прошлого века вопрос считался «закрытым» и не подходящим для серьезных философских обсуждений, ныне философия религии превратилась в массовую и уважаемую дисциплину, по которой ежегодно публикуются десятки монографий в лучших научных издательствах мира, а в ведущих университетах проводятся тематические конференции. Технически, речь идет об использовании передовых инструментов логического и философского анализа для изучения религиозной проблематики (существование Бога, возможность жизни после смерти

физического тела и т. д.), и о применении решений, выработанных в рамках религиозных традиций, к «светским» вопросам. Оценивая масштаб изменений, некоторые авторы, как Уильям Крейг, считают уместным говорить о революции в философии [6].

Естественные науки, в частности — физика и биология, также дают множество примеров конвергенции. Концепции современной физики, включая теорию «большого взрыва» и квантовую механику, часто становятся предметом интереса теологов, тогда как теология и религиозные традиции нередко используются физиками для более широкого осмысления их теорий. Примечательно, что речь идет о взаимодействии физиков как с «академической» теологией, например в случае профессора Кембриджского университета и англиканского священника Джона Полкинхорна, так и с вольно интерпретируемыми восточными учениями — знаменитым примером последнего является книга Фритьофа Капры *«Дао физики»*. В биологии можно выделить, как минимум, три релевантных, хотя и спорных, тенденции: попытки реабилитации телеологизма (Уильям Дембски, Майкл Бихи), выход за пределы механицизма, часто за счет обращения к самоорганизации (Стюарт Кауффман), включение незападных перспектив (Дэвид Бараш, Джонатан Эдельманн).

Самым же ярким «кейсом» является, пожалуй, область исследований сознания, в которой стремительно укрепляются подходы, комплементарные различным религиозным традициям или прямо вдохновляющиеся ими. Теории, в основе которых лежит дуализм и панпсихизм, не только получили признание, но и

поставили под вопрос правдоподобность какой-либо формы материализма [7]. Можно назвать, в числе множества других, таких ученых и философов, как Дэвид Чалмерс, Роберт Кунс, Томас Нагель, Дэвид Скрбина, Ричард Суинберн, Роберт Фумертон, Ховард Робинсон, Грегг Розенберг, Кристоф Кох. Подобные теории получают сильное экспериментальное подкрепление за счет трансперсональной психологии, исследований околосмертного опыта, измененных состояний сознания.

Есть все основания полагать, что рассмотренная выше тенденция к конвергенции продолжит увеличивать свое влияние и находить новых сторонников в научном сообществе. Аналогично, все больше теологов и духовных лиц будут стремиться к близкому знакомству с результатами современной науки и согласованию с ними собственных религиозных взглядов. При этом существует вероятность усиления сопротивления этим тенденциям радикальных и консервативных сил с обеих сторон, что может выливаться в отдельные резонансные случаи, едва ли способные изменить общую картину.

Ссылки

[1] Moritz, J. M. The War that Never Was: Exploding the Myth of the Historical Conflict Between Christianity and Science // Theology and Science. — 2012. — V 10. — No 2. — P. 113-123.

[2] LeDrew, S. The Evolution of Atheism: The Politics of a Modern Movement. Oxford: Oxford University Press, 2016. 280 p.

[3] Wilber, K. A Sociable God: Toward a New Understanding of

Religion. Boston: Shambhala, 2005. 192 p.

[4] Numbers, R. L. (eds.) Galileo Goes to Jail and Other Myths about Science and Religion. Cambridge: Harvard University Press, 2009. 320 p.

[5] Ecklund, E. H. Science vs. Religion: What Scientists Really Think. Oxford: Oxford University Press, 2010. 240 p.

[6] Craig, W. L. The Revolution in Anglo-American Philosophy // Reasonable Faith, 2012. — URL: goo.gl/frSWR.

[7] Koons R., Bealer G. (eds) The Waning of Materialism. Oxford: Oxford University Press, 2010. 440 p.